

18+

БЕРТА РОКАВИЛЛИ

ЖАВОРОНКИ

ПОВЕСТИ

Берта Рокавилли
Жаворонки. Повести

«Издательские решения»

Рокавилли Б.

Жаворонки. Повести / Б. Рокавилли — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533021-5

«Люди злы, лживы, алчны, мстительны и похотливы», — утверждал Макиавелли. «Человек по природе своей добр», — возражал Руссо. Из этого противоречия произрастают все сюжеты Рокавилли. Герои ее повестей — личности сложные. Не может быть простой душа, в которой ангелы борются с демонами. «Жаворонки» — это не о тех, кто рано просыпается, хотя и они присутствуют в повествовании. Жаворонками называется день весеннего равноденствия, когда день равен ночи, как равны свет и тьма в человеческом сердце. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-533021-5

© Рокавилли Б.
© Издательские решения

Содержание

По принципу Данди	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Жаворонки Повести

Берта Рокавилли

© Берта Рокавилли, 2021

ISBN 978-5-0053-3021-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По принципу Данди

*Оставьте, наконец, меня в покое.
Я износил себя, как старое пальто.
В окне кино печальное, немое.
Мне кто-то нужен? Нет, уже никто.
А. Вертинский*

Утверждение, что счастье – явление настолько неуловимое, что его нельзя потрогать и измерить, в корне неверно. Когда после долгой зимы впервые выходишь в легкой одежде и удобной обуви, счастье ощущается не умозрачительно, а вполне телесно: хочется бегать и прыгать, как пес, выпущенный на лужайку после томительного дня в тесной и душной квартире. Вот и Лима, идя из бассейна через умытый весенним дождем парк, наслаждалась каждым вздохом. Ее радовали и слепяще желтые цветы форзиции, и скрип гравия под новыми кроссовками, и таджики в оранжевых жилетах, занятые предпасхальной уборкой, и два йоркшира, увлеченно копающие клумбу, где уже налились бутоны будущих тюльпанов. Бородавчатый лягушкин мужик, набрав в грудь побольше душистого теплого воздуха, самозабвенно исполнял свой лучший вокализ, и это было ничуть не хуже любых соловьиных трелей.

Вернувшиеся с юга скворцы орала, как потерпевшие. Когда Булгаков говорил, что москвичей квартирный вопрос испортил, он, очевидно, не обращал внимания, как перелетные птицы каждую весну дерутся за жилье. Лиме этот гвалт казался праздничным, жизнеутверждающим.

Однако придя домой и глянув в зеркало, она в который раз рухнула с высокого пьедестала счастья на булыжную мостовую обыденности. За последний год, посещая спортзал, плавая и бегая, она довела свой вес до идеальной нормы, подкачала тело, проделала цикл косметических процедур, сделала новую прическу, нарастила гелевые ногти, обновила гардероб и... И теперь вот обнаружила круги под глазами. Собственно, обнаружила она это не сегодня, но поначалу уговаривала себя тем, что это следствие усталости (недосыпа, стресса, селедки, съеденной на ночь, неудачного освещения, нужно подчеркнуть), но сегодня все эти объяснения теряли смысл – сегодня был прекрасный день, лучший за очень долгое время. А значит, круги под глазами – это новая реальность, с которой придется жить. Жить *так* не хотелось. Выбор платья потерял всякий смысл. Нет такого цвета, который был бы к лицу, когда на лице два разваренных пельмешка. Осталось лишь с сожалением вздохнуть о днях, затраченных на имидж. К чему всё это, если зеркало души подпорчено!

Чтобы как-то заглушить мрачные мысли, Лима включила радио и расположилась за кухонным столом с чашкой сумасшедше сладкого чая – можно уже не считать калорий, когда жизнь подложила такую свинскую свинью. Солнце заливало малогабаритную квартирку, нещадно высвечивая облупленность мебели, бугорки на обоях, требующий жесткой ревизии хлам и, конечно, пыль, много пыли. Голос в динамике обещал хорошую погоду на все майские праздники, но Лима уже точно знала, что ни на какие шашлыки с коллегами (босс предоставлял для веселья свою роскошную дачу) она не поедет.

– Окна надо вымыть, прибраться, ненужное барахло из дома выбросить, – сказала она чуваку из эфира. – А то мало ли что...

Впереди был долгий рабочий день, еще предстояло выдержать двенадцатичасовую смену, а завтра, первого мая – День рождения. Раньше очень радовало это совпадение праздников, веселье всегда было гарантировано – именинники, которым приходилось работать в свой праздник, ей очень завидовали. Однако завтра ей исполнится сорок лет. По старому суевию

эта дата не празднуется, о чем она и сказала Лариске. Но если люди хотят выпить, никакое суеверие их не остановит.

– Лимпопо, если ты не хочешь, мы не будем тебя поздравлять, мы будем праздновать День солидарности трудящихся. Ты что-то имеешь против трудящихся?

И Лима готовилась к этому дню – все эти тренажеры и наращивание ногтей были не просто так. Рост фотомодели, глаза мультяшной Алёнушки и безупречные черты лица сулили ей успех. Даже веснушки ее не портили – вон, у Джиллиан Андерсен даже веки веснушчатые, а звезда. Однако с самой юности она была несколько полнее, чем диктуют современные каноны красоты, и – дабы соответствовать – всю жизнь носила косу и длинные платья с богато декорированными рукавами. Сказочная русская красавица, она, как и велит дух противоречия, хотела отметить свое сорокалетие достижением иного идеала – современного, модного, чтобы непременно мелирование, джинсы и пирсинг на пупке. Разочарование ранило ее гораздо сильнее, чем можно было ожидать. Тем более что мелирование уже было сделано и русая коса отрезана к чертям.

Ах, как жаль! Что там коса – жизнь прожита совсем не так, как хотелось. Фантомные боли утраченных возможностей иногда бывают такой силы, что не дают уснуть, словно судороги в ногах. Потолок достигнут. Уже не стать ни моделью, ни балериной, ни женой миллиардера. Не будет морского круиза, отдыха на Бали, фотосессии на Мадагаскаре, карнавала в Рио. Не будет большой, как в песнях, любви. А ведь всё должно было так удачно сложиться! Обидно спускаться с горы, так и не побывав на вершине.

Никого конкретного Лима соблазнять не собиралась, но смутно надеялась, что за телесным совершенством, так или иначе, последуют какие-нибудь приятные перемены в жизни. Изъян же, так недвусмысленно указывающий на возраст, означал рутину до конца дней, тоску и стариковские радости типа метеоризма. Стоит ли цепляться за такую жизнь?

Она с удовольствием читала роман о немолодой красавице, бывшей мисс Алабама, которая методично готовится к самоубийству, а потом, увидев всё это во сне во всех подробностях, внезапно передумывает, так как осознает ценность жизни, встречает любовь и снова чувствует себя молодой. Несмотря на безмерное уважение к автору, Лима посчитала такой финал чушью.

«Тогда уж следовало дописать, как ее настигает Паркинсон и старческое слабоумие, как органы один за другим перестают работать исправно, а выход в свет случается лишь на похороны подружек, – с едким сарказмом думала она. – Молодость определяется способностью тканей к регенерации. Возраст – страшная вещь! Палец порежешь – несколько недель будешь мучиться, неудачную косметику используешь – полгода восстанавливаться придется, и то, что в душе ты чувствуешь себя молодой, никоим образом тебе не поможет, что бы по этому поводу ни говорили модные блоггерши и псевдопсихологи».

Под окном на собачьей площадке сосед выгуливал крупного старого кобеля. Лима помнила, как этот пёс – несурзанный щенок с большими ушами и хвостом-веревкой – радостно приносил резиновое кольцо, которое его хозяин, тогда еще кудрявый, забрасывал метров на сто. Потом пес вырос, хозяин завел женщину. Потом некоторое время они ходили гулять все вместе – женщина, ребенок в коляске, гордый сосед и еще более гордый пёс рядом. Но семейная идиллия не продлилась долго. В последние годы оставались только эти двое, и, судя по шатким ногам овчарки, скоро останется только один. Двадцать лет – пшик. Такие наблюдения не добавляли хорошего настроения.

«Мы все едем в одну сторону. Потому что едем в катафалке, – рассуждала она. – Если меня укачало, я ведь могу сойти раньше, это мое право».

– Хорошо хоть пупок не проткнула, – попыталась она найти позитив в ситуации, но попытка провалилась, и Лима выругалась. Она по-настоящему устала от не приносящих радости отношений, от фальшивых дружб и от работы бессмысленной и беспощадной. – Для смерти слишком рано, для всего остального слишком поздно. Так, кажется. Кто это сказал? –

спросила она у радиоприемника, но бодрый голос вещал что-то совсем отвлеченное, и она его выключила. – Бесчувственный ты пенёк! Я к тебе за чувствами, а ты глушишь меня информацией. Может, хоть Янек на праздники приедет, – она в очередной раз проверила, что все телефоны работают и что никто ей не звонил, переделалась в рабочее и спустилась в салон – «Шарм» располагался в том же доме, – а поздно вечером отбила и замариновала мясо, чтобы в первый майский день быть во всеоружии.

Человек, который держит в руке оголенный провод, не может его выпустить. Пока по нему идет ток, воля парализована. Так и несчастная, разрушающая личность любовь парализует волю, и это невозможно прекратить, даже когда понимаешь, что это необходимо ради сохранения жизни и психического здоровья. И бывает, что к тому времени, как ток перестает поступать и рука разжимается, от человека уже ничего не осталось. Именно такая любовь определила для Лимы ее судьбу.

Его звали Ян, он приехал в столицу из Пинска, «чтобы раскрутиться», и развил бешеную деятельность. Энергия из него так и хлестала – то ли из-за темперамента, то ли из-за недавнего развода с женой (многие флегматичные мужчины, сбросив с себя ярмо, первое время скачут козлами – от радости, потом это проходит). На фоне всеобщего обнищания его пухлый, крокодиловой кожи бумажник, ковбойские сапоги, отделанные серебром, и кожаная куртка цвета спелого граната смотрелись по-королевски. У юных девушек бытовало такое правило, что красавица не должна быть абы с кем, а должна составить красивую пару, чтобы парень был не только хорош собой, но и был выше нее на полголовы – это самое удачное. Обсуждалось это совершенно серьезно – словно подбор сумочки к туфлям. И так случилось, что Ян был самого подходящего роста.

Лима в ту пору работала парикмахером в мужском зале, было ей двадцать лет и, как уже было сказано, она была абсолютной русской красавицей в самом лучшем смысле. В хрущевской двушке она обитала с мамой, папой и котом, и когда импозантный Ян снял квартиру в центре Москвы и предложил ей жить вместе, это был большой соблазн. К тому же ей, любовавшейся в детстве героями сериала «Четыре танкиста и собака», очень импонировало не только его имя, но и внешнее сходство с властелином ее девичьих грёз. Родители были категорически против.

– У тебя с этим разведенным пшеком что... – отец мучительно подбирал слово и наконец с омерзением выговорил: – Роман?! Позор какой. Ладно бы какая замухрышка была, на которую больше никто не позарится, но тебе-то, красавице, он зачем?!

К тому же мать болела, и Лима нужна была дома – для помощи. Невозможность получить всё и сразу распяляла жениха еще сильнее. Он задаривал ее дорогими подарками и водил обедать в лучший, по мнению «пацанов», кабак.

Однажды даже свозил на Плещеево озеро. Больше всего ее тогда поразили не появившиеся как по волшебству шашлыки в придорожном кафе и даже не заморский ликер со вкусом пломбира, а абсолютно плоские берега. По улице шли, как по паркету, ничто не предвещало приближения самого водоема, и вдруг – дальше вода, ровная, словно зеркало. А в воде отражения всего, что располагается по берегам – на многие километры. Лима засыпала Яна вопросами. Как могут деревья и церкви, стоящие далеко от берега, отражаться в воде? На физике очень подробно объясняли законы оптики, но это не внесло ясности. Черт с ней, с Алисой в Зазеркалье, но в оптических иллюзиях действительно есть какая-то магия. Ян лишь многозначительно улыбался: знание физики и оптики не было его сильной стороной. Главное, что он видел – девочка в восторге, и этим нужно пользоваться, пока она не передумала. А она и рада.

Она совершенно не замечала, что ее возлюбленный пребывает по другую сторону культурной пропасти. Несмотря на некоторую разницу в возрасте и работу в сфере обслуживания,

она была более любознательной и начитанной, чем он, более эрудированной. Ее интересовали не только отражения в воде, но и многие другие прекрасные вещи. Он же презирал всё, что отвлекало его от бизнеса. Замечено, что открыв ум и талант в невзрачном парне, девушка меняет отношение к нему в лучшую сторону. И наоборот – открыв в красивой девушке ум и талант, парень в ней разочаровывается.

Первое облачко набежало на счастливого Лимин небосвод тогда, когда оказалось, что Ян не платит алименты бывшей жене, хотя та осталась с трехлетним ребенком на руках.

– Я официально нигде не работаю, – аргументировал он, а когда Лима указала ему на его роскошный образ жизни и сравнила его с образом жизни матери-одиночки в Пинске, даже вспылил: – Я вообще не уверен, что это мой ребенок!

Лима притихла и больше этой темы не касалась. А уж когда сама забеременела и переехала все-таки к нему, поднимать подобные темы стало вовсе неуместно.

Родители, которые до того дня дружно отговаривали Лиму от этого брака, теперь в один голос спрашивали: когда свадьба? Ради избавления от непрерывного прессинга, молодые сходили в загс в будний день и вышли с проштампованными паспортами. Чтобы не ждать месяц, Ян заплатил чиновнице, похожей на флегматичную жабу, за оперативность. Друзья и родственники были страшно разочарованы: им хотелось большого застолья, частушек под гармошку и возможности сально пошутить над молодоженами.

Подтянулись и Лимины школьные подружки: девичника не было, как же так! А мы-то, дуры, подарки для вас приготовили! И, чувствуя себя виноватой, она пригласила всех разочарованных встречать Новый год в их роскошной квартире с видом на набережную. Ян тоже пригласил парочку знакомых белорусских братков.

Стол ломился от яств. Кот Гриша, которого Лима взяла с собой в новую жизнь, ел королевские креветки. Спиртом «Рояль» в этом доме не пахло – выпивка была исключительно дорогая, лучшая. Ящик фейерверков не позволил веселящейся компании увидеть исторический момент, когда президент попросил прощения у народа и уступил место новой эпохе. Веселились, кричали с балкона «ура» и даже плясали под старую негритянскую группу, которая и на рубеже тысячелетий звучала как новая. Подружки, впервые увидевшие Лиминого «бизнесмена», решили, что и друзья его – птицы высокого полета, и набросились на братков с юным энтузиазмом. Однако на всех не хватило. Двух подружек после праздника увезли «проводить», а одна осталась ночевать в гостиной на диване.

Ян несколько раз за ночь вставал в туалет, проходил через гостиную, возвращался к Лиме и нежно приникал к ее восьмимесячному животу. Всё было так мило. Вот только на другой день, убирая гостевую постель, Лима нашла его трусы на диване, среди мятых простыней. Подружка к тому времени уже пришла в себя и уехала домой, доедать новогодний оливье с родителями, и спросить, что же здесь произошло, было не у кого. Потому спросила у него.

– Ну, а что я мог сделать?! Тебе же нельзя!

Возможно, он поступил так в состоянии алкогольного делирия, хотя, по правде сказать, никто до изумления не упился – пили в меру, а может быть, просто уже устал от семейной жизни и хотел, чтобы инициатива развода исходила от нее. Второго января, с котом на руках, Лима вернулась к родителям в Тушино. Развестись так же оперативно, как поженились, не удалось – пришлось ждать два месяца. За это время родился ребенок – увесистый сынок – и, успев помянуть внука, умерла мать. Жизнь ее в последний год была так мало похожа на настоящую жизнь, что ни осиротевшая дочь, ни овдовевший муж не знали – скорбеть им об утрате или благодарить Бога за прекращение ее мучений. Единственная эмоция, прорвавшаяся сквозь тяжелую смолу горя, была выражена отцом в похоронном бюро:

– Я не должен платить за институт ваших детей, гроб не может стоять, как подлинник Ренуара! – да и то быстро погасла после того, как цену чуть сбавили.

В вестибюле Тушинского загса, на фоне нарядной мозаики с целующимися голубками, отец схватил Яна за грудки:

– Я с тебя, опарыш лупоглазый, через суд алименты стребую!

– Попробуй! – грубо рявкнул вновь обретший свободу поганец. Гулкое эхо заставило вздрогнуть совершенно посторонних людей, пришедших по другим, возможно, более приятным делам. – Я, может быть, вообще не уверен, что это мой ребенок.

Лима, стоявшая в сторонке, чуть не рухнула на затоптанный пол:

– Ах ты, гнида! Ты, значит, будешь размножаться по всей стране, бабы будут твое потомство растить, а ты будешь свои сомнения высказывать!..

Но поганец, видимо, к таким перебранкам привык и знал, что ответить:

– А ты чё думала, я бабе, которая с мужиками на работе трется, безоговорочно верить буду? Нашла дурака! К тому же, я тебя не прогонял – ты сама со своим кошаком ушла. Может быть, я еще и бегать за тобой должен, как ссанный веник?!

Лима, у которой чувство собственного достоинства было едва ли не главным из всех чувств, просто потеряла дар речи. Ей на миг показалось, жизнь покидает тело – от отвращения и отчаянья. Она и не предполагала, что в этом мире мало кто верит в честность красивой девушки, особенно такое лишенное совести существо, как ее суженый.

Однако за месяц до этой эпохальной встречи, когда надо было давать имя ребенку – белокурому, синеглазому, она сказала однозначно: Янек. Возможно, на тот момент она еще не считала разрыв окончательным, но более вероятно, что в этом было больше любви к тому Янеку, киношному. В обоих случаях для родителей это всё равно было как красная тряпка для быка.

– Ванькой он будет! Ванькой! – орал отец. – И хватит дурочку валять! – и стал он Иван Иванович, и фамилию получил от матери, и в саду, школе и военном училище оставался Иванушкой. Только для Лимы он был Янек, да и то – наедине.

Подготовка к праздникам всегда была для нее делом ответственным – гораздо более ответственным, чем какая-нибудь там работа. А потому свой первый порыв – разобраться с этой жизнью – пришлось задвинуть на задворки сознания и вооружиться поварёшкой и пылесосом. Однако утро первого мая началось с того, что пришлось отбиваться от Лариски, которая хотела заехать за ней, чтобы вместе двинуть на шашлыки. Лима убедительно изображала недомогание, благо мешки под глазами хорошо видны по скайпу, и подружка неохотно приняла эту отговорку:

– Ладно уж, поправляйся, мочегонного чего-нибудь выпей.

Когда окна были вымыты, пыль изгнана, а несколько пакетов с хламом спущены в мусоропровод, наконец, позвонил сын – поздравил с Днем рождения, с Днем весны и труда, с хорошей погодой. Долго говорил на посторонние темы:

– Фрау канцлерин заслуживает неуда по обществоведению. Изначально следовало продумать юридическую формулировку понятия «беженец». Холостые мужчины призывного возраста – дезертиры, а не беженцы. Европа дает приют дезертирам из тех государств, где сейчас война и каждая боеспособная единица на счету, да еще и пособия им платит.

Лима, конечно, догадалась, к чему этот разговор. Если бы маленький засранец собирался приехать, он бы с этого начал. Но по скайпу видно, что он в дежурке.

– Янек, тебя нарочно на праздник на дежурство загнали?

– Это расплата за 9 мая – я с Маратом к нему в Крым поеду, – и он пускается в восторженный рассказ об их планах со свистом проехать по Керченскому мосту.

Вчерашняя обволакивающая тоска, которую она кое-как заглушила хозяйственными делами, снова напозла и заполнила всё пространство. И хотя внутренне Лима была готова к такому повороту событий, защититься от горького разочарования так и не смогла. Но ничего не поделаешь – сыну восемнадцать, он вправе решать, как ему отдыхать. Он учится в Воронежском училище ВКС, у него хорошие друзья – во всяком случае, у нее нет причин опасаться, что он с ними будет чем-то неподобающим заниматься. Он сын своего времени, юный патриот, он хочет управлять «Буками» и «Искандерами». Более того, он считает разруху 90-х Марианской впадиной российской истории и знает, кто несет за это ответственность, а заодно и за его нищее детство. У него нет ни малейших сомнений, куда эти «Буки» следует направить. В целом она довольна, как их там готовят. Но к большому материнскому сожалению, на каникулы и большие праздники он ездит к друзьям – его то горнолыжными спусками соблазнят, то рыбалкой, то девушкой (у Марата не только богатый отец «с возможностями», но и красивая сестра). В Москве он не был уже год, говоря: «Чего я там не видел? Новую плитку тротуарную?!»

Пожелав сыну приятного отдыха и отключив скайп, Лима долго непонимающе глядела на гору приготовленного мяса с грибами и сыром. Четвертый год живя одна, она уже свыклась с блюдами быстрого приготовления, то есть омлетом или сырым огурцом, и целая кастрюля мяса действительно казалась ей разнузданным пиром. Ну, допустим, завтра еще выходной, можно какой-нибудь досуг придумать. Но какой? Начать пить в одиночестве? От веселья с коллегами она отказалась сознательно, и тому были причины, а никаких знакомств вне работы у нее никогда и не было. Лучшая же школьная подруга восемнадцать лет назад отличилась на новогоднем банкете, и с тех пор они не виделись. Другие же подружки той поры, которые приходили потискать ребенка и выразить свое сочувствие, после шли к той, к разлучнице, и пространно рассуждали о том, что излишняя принципиальность вредит дружбе. Ну, согрешила, подумаешь, с кем не бывает? Этот кобель всё равно бы ушел не сегодня, так завтра. Разве можно из-за этого лучшую подругу сухой обзывать?! Но Лима проявила странную (в ее-то положении!) непримиримость и раздружилась сразу со всеми блаженными миротворцами.

Одиночество, сдобренное депрессией, высвечивает в темных уголках памяти любые, даже самые незначительные обиды. То, что, казалось, поросло быльем, вдруг поднимало в душе волну возмущения, и Лима мысленно спорила со своими обидчиками, подыскивала меткие слова и веские аргументы, и подобные монологи крутились в ее сознании от рассвета до глубокой ночи, а иной раз продолжались и во сне.

Вообще, оценивая свой опыт общения с людьми за все прожитые годы, она жалела не от том, что у нее мало друзей, а как раз наоборот – о том, что когда-то была чересчур терпима. «Нет такой поганой твари, которая бы на что-нибудь не годилась», – говорил Ромен Ролан, и Лима в ту пору соглашалась и даже по-своему развивала эту мысль, опираясь на вечные христианские ценности, не отталкивая людей за их промахи, откладывая сколько возможно выяснение отношений. Она долго старалась быть вежливой, однако...

Отсекать приходилось лишь тогда, когда все другие возможности мирного урегулирования были исчерпаны. Но и с такой стратегией все равно не могла отгородиться от совершенно немотивированной ненависти незнакомых людей, в основном женщин постарше. Как-то раз спросила у дежурной по эскалатору – немолодой представительной дамы, где переход на другую ветку, и получила на свою голову такой ушат помоев, который возможен только тогда, когда тяжесть обиды на жизнь перевешивает все радости жизни вместе взятые. Видимо, тут сыграла свою роль и старость, и бедность, и некрасивость, и чересчур заметные новые Лимины сапожки, и даже то, что когда-то, в 1989 году, продуктовый заказ, положенный всем работникам метрополитена, этой почтенной леди не достался – а ведь так рассчитывала!

– Ты читать-то умеешь?! – верещала дежурная, трясая седыми кудряшками, еле прикрытыми красной форменной шапкой. – Понаехало лимиты, сами не знают, куда прутся, и всё лезут и лезут!..

Подобные эпизоды повторялись с Лимой с завидной регулярностью. В ее лице было что-то такое, что сигнализировало хаму о полной безоружности. Прекратить это можно было только одним способом – прекратив любые сношения с социумом, что невозможно для работника сферы обслуживания. Благо, с дамами она не работала, но и среди мужчин иногда случались заплутавшие в половом вопросе склочники.

И вполне закономерно, что теперь, когда сын уехал, а отец умер, оставшись в тотальном одиночестве, она вместо того, чтобы потянуться к людям, лишь раскаивалась в своей бывлой снисходительности к людским слабостям. Как так случилось, что доброта, проявленная к тем, кто называл себя ее друзьями, не принесла ничего кроме вреда? Где-то она прочла, что лучшую часть своей души люди запахивают в землю на удобрение. Потому что, трезво взглянув на ситуацию, нетрудно понять, что именуемые слабостями черты характера зачастую прикрывают элементарное скотство, хамство и себялюбие. Как сказал другой классик в похожих обстоятельствах, «обидно, когда стараешься щадить чужие чувства, а в результате узнаешь, что никаких чувств нет». Больше всего ее удручала память о тех моментах, когда она пыталась наладить хорошие отношения с тем, кто в дальнейшем показал себя как полное чмо: сглаживала шероховатости в общении, оправдывала, старалась подладиться, чтобы ему (ей, им) было удобно. Эти раны время почему-то не лечило. Старшие коллеги посмеивались и говорили:

– Ну, Лимпопо! Ешьте меня мухи с тараканами!

Сегодняшний день принес с собой решение всех проблем. «Следующего человека, который попытается меня унижить, я убью. И меня уже не успеют посадить».

Очнувшись от мрачных воспоминаний, Лима вздохнула, отделила половину мяса в пластиковый контейнер и позвонила в соседскую дверь.

– Ничего не надо! – послышалось из-за двери. – Ни Библии, ни картошки, ни пластиковых окон!

Однако поскольку Лима не уходила, дверь слегка приоткрылась. Такая же одинокая соседка выглянула в щелочку, задвигая ногой вглубь квартиры своего любопытного кота.

– Здравствуйте! С праздником вас! Я сына на побывку ждала, много наготовила... В общем, у вас котик...

Соседкино лицо казалось знакомым. Особенно когда она потянула длинноватым, с раздвоением на конце носом:

– Свинина?

– Да. С грибами.

– Мой такое не жрет, но вы заходите, – ипустила Лиму в такое же свежееотмытое помещение, как и у нее. – Садитесь за стол, мне как раз отметить не с кем, да и закуска у меня позорная, – она выставила на стол роскошное французское вино и неадекватный ситуации белорусский сыр. – Вы очень кстати с вашим мясом.

– А что отметить?

– Как это – что?! День солидарности трудящихся! Или вы имеете что-то против трудящихся?

Под белое вино, которое Лима считала смесью мочи с пенициллином, и мясо из пластикового контейнера разговор завязался довольно непринужденный. Соседку звали Мариной. Это была дамой с непростой судьбой. В недавнем прошлом она схлопотала условный срок за избиение мужа бейсбольной битой. Змей-адвокат хотел ее и вовсе отмазать, но, несмотря на все его старания, доказать действие в состоянии аффекта не удалось, так как за неделю до этого она методично заказала биты через интернет, не заказав мячи.

– А что послужило поводом? Я понимаю, что все они этого заслуживают, но обычно мы как-то терпим, и только какие-то из ряда вон выходящие события спускают курок.

– Когда баба просит что-то починить, мужик начинает с того, что подвергает ее слова сомнению: тебе показалось, там все в порядке, ничего чинить не надо, ты просто не умеешь

пользоваться, потому что ты дура. Если она подробно и технически грамотно излагает суть поломки, мужик проверяет сначала все другие варианты, потому что, по его мнению, ничего кроме глупости баба сказать не может. И только когда все варианты исчерпаны, он нехотя, с видом униженным и оскорбленным принимает ее версию. Блин, действительно надо чинить! Это так бесит! К тому же я его застукала с пуританкой.

– Ты имела в виду – с путанкой?

– Один черт! А скажи, пожалуйста, Лима – это в честь столицы Перу?

– Это в честь Олимпиады-80.

Надо сказать, имя доставляло ей неприятности с детства – и шутку про Перу, и про Лим-попо, и про ламу, и многие другие хохмы она слышала не раз, и иногда даже представлялась Лидой, чтобы избежать насмешек. Но правда всегда выходила наружу, что создавало неловкие ситуации, и после окончания школы она перестала придуриваться и стала называться, как родители решили.

– Я родилась за год до олимпиады, мода тогда такая была. Все словно с ума посходили. Мишки, значки, олимпийские кольца на одежде, на сумках, на чашках. Ну, и имена, конечно.

– Скажем так, люди не сильно поумнели за прошедшие сорок лет.

Они расстались подругами, и, вернувшись к себе за полночь, Лима подумала, что ей опять не удалось «разобраться с этой жизнью», но, наверное, и завтра будет не поздно. Утром же, забыв о своем решении больше не худеть и бросить к чертям здоровый образ жизни, она по привычке двинула на пробежку в Алёшкинский лесок, а на обратном пути напоролась на приключение.

Молодой человек, тепленький после вчерашнего, выразил настоятельное желание с ней познакомиться. Лима даже остановилась от удивления.

– Что?!

– Познакомиться. Я понимаю, что все сейчас знакомятся исключительно через интернет, но мне кажется, что так вот – лицом к лицу – это и честнее, и приятнее. Я Макс.

– Простите, Макс, но мне кажется, вам и так весело.

Он махнул рукой, мол, это ерунда.

– Понимаете, там откуда я прибыл... – и досрочно освобожденный индивид на ходу успел поведать ей чуть ли не всю свою жизнь. Ей пришлось быстро придумывать уважительную причину, почему она не может с ним разделить этот праздник:

– Если бы вы были дряхлым седым болтуном, которому лишь бы потрындеть, то я с удовольствием. Но вы молодой мужчина со своими интересами, а у меня эти самые интересы вызывают лишь скуку. Я, видите ли, старая, – и она сняла темные очки. До этого он видел лишь длинные ноги, спортивную фигуру и модное мелирование.

– Ну, это вы зря! Вам вполне еще можно радоваться жизни! Я на возраст вообще не смотрю! – парень приводил еще какие-то доводы, но Лиме удалось свернуть беседу и энергичным шагом вернуться в свое убежище.

Сначала ее охватила радость от реабилитации самооценки – тридцатилетний мужик клюнул! Затем наступило горькое прозрение: мой контингент теперь – те, кто только что покинул места заключения. Когда мужчина говорит, что ему не важен возраст женщины, это очень плохой признак. Конечно, это не встреча с легендарным алешкинским монахом в надвинутом капюшоне, разговор с которым сулит скорую смерть, но все-таки и радоваться особо нечему. Потому что на возраст завязано всё: здоровье, способность иметь детей, бытовые привычки, музыкальные и литературные вкусы. А если ему возраст не важен, это значит, что и ты сама не важна, и что никаких серьезных отношений он с тобой строить не собирается – так, вздремнуть разок.

Ну, а хоть бы и разок?! Почему бы нет? И мясо бы не пропадало. Но простота, граничащая с примитивностью, которая была написана на лбу у этого парня, не просто пугала, а ввергала

Лиму в настоящую панику. Именно из-за этой паники она так и не вышла замуж вторично, хотя возможность такая у нее была.

Директор салона-парикмахерской «Шарм» Арам Айрапетович когда-то, еще на излете эпохи Брежнева, защитил кандидатскую по научному коммунизму, что не помешало ему при Андропове огрести срок за фарцовку. При Горби его выпустили с извинениями, сказали: «Обогащайтесь», и тогда он открыл этот самый салон. Он верил, что знание – сила, а потому говорил о своей ученой степени так, как иные говорят о черном поясе по каратэ, хотя внешне был больше похож на штопаный в трех местах носок, чем на достойного кавалера. Он хищно набрасывался на кроссворды, которые находил в комнате отдыха у своих мастериц, и не понимал, как смешно со стороны выглядит его желание продемонстрировать недожизненный интеллект среди перезрелых теток с восьмилетним образованием.

Закон велит принимать обратно на работу женщин, возвращающихся из декретного отпуска. Однако на момент рождения ребенка Лима не была официально трудоустроена в этом заведении – она лишь подменяла штатных мастеров летом, когда они уезжали на юг. В среднем она работала пять месяцев в году, а оставшиеся семь жила на накопленные средства. Однако с младенцем на руках эта схема оказалась вовсе не такой удобной. Чтобы получить постоянное место в салоне, надо было стать частью директорского гарема. А ей, сказочной русской красавице, этот обладающий антихаризмой недоносок, злоупотребляющий служебным положением, был противен до тошноты. А потому возвращаться ей было совершенно некуда. И когда она увидела на Тушинском рынке листок «Требуется продавец», она ухватилась за него, как утопающий за соломинку.

Хозяином точки, где ей предстояло продавать турецкие наряды, был двухметровый, похожий на гризли азербайджанец Мага – один из самых уважаемых людей местного бомонда. Сам-то он, конечно, давно не торговал – для этого есть продавцы. Да и челноком тоже почти не ездил – для этого нанимались расторопные женщины с украинским гражданством и спорной национальной самоидентификацией. Он лишь направлял финансовые потоки. С момента своего появления на новом рабочем месте Лима попала в плен его ухаживаний. Он действовал, словно торнадо, что унес Элли из Техаса в Страну Оз, – мощно и решительно, сопротивление было бесполезно.

Торговцы из мясного ряда несли ему лучший кусок баранины:

– Возьми, – говорил Мага Лиме, – тебе надо, твоему ребенку надо.

Земляки привозили ему фрукты, он отдавал их Лиме, не принимая никаких отказов:

– Глупая! Думаешь, сын обрадуется, узнав, от каких персиков ты отказалась?

Лиме очень хотелось показать средний палец всем тем, кто утверждал, что ничего она в жизни не добьется – с ребенком, словно каторжник с прикованным к щиколотке ядром. А Мага был как раз тот, «кто поможет взлететь, а не валяться в пыли», как поется в одной песне.

Когда Янек начал не только ходить, но и внятно разговаривать, Мага и его сделал инструментом ухаживаний:

– Хочешь, я вас с ребенком в зоопарк свожу? Хочешь карусели в парке Горького? Хочешь, в Звенигород на выходные поедем?

На Звенигороде она смирилась. «Царица обязана в монастырь уйти, если у нее семейная жизнь не сложилась. А я не царица, я живу ту жизнь, что мне досталась – другой нет», – думала она, надевая новенькое турецкое неглиже в сияющей, как пасхальное яичко, ванной комнате турками же отделанного подмосковного отеля. Мага во всей своей волосатой красе валялся на широкой постели и игриво шевелил монобровью. Янек уже спал в отдельной, оборудованной шторками кроватке.

Всё было по-семейному. Утром, когда им в номер принесли завтрак, и Мага, сидя в постели, протянул руку за чашкой кофе, Лима испытала ни с чем не сравнимое омерзение от его дряблой груди, отвислой, как у кормящей суки. Волевым усилием она заставила себя отогнать этот образ, запретила себе даже думать на тему каких-то там эстетических идеалов.

– Это теперь твой мужик, и для собственного же счастья ты обязана думать, что он – лучший, – приказала она себе.

Проснулся Янек, заставил включить телевизор. Они сидели, обнявшись, на неубранной постели, смотрели кино про поросенка – «Бейб». В особо трогательных местах Янек плакал. Мага тоже. И Олимпиаду это так умилило, что на ближайшие пять лет она позабыла тот неприятный момент, что вызвал у нее отвращение. Всё-таки сентиментальность – большая сила, скрепляющая семьи.

Конечно, у него уже была семья в Баку – секрета он из этого не делал. Лима думала, что нужна ему как отдушина. В романах всегда так: если женатый человек заводит любовницу, значит, ему не хватает эмоций, страсти. Она где-то читала, что быть женой – это работа, а любовницей – праздник, вот и решила попробовать. Однако Мага был правоверный мусульманин и считал Лиму своей второй женой. Это было производственной необходимостью – иметь бабу поближе. Он строил их отношения так же, как и законную семью: он работал, она вела хозяйство (с торговой точки он ее сразу же снял). Они въехали в новый высокий дом с видом на канал, где была улучшенная планировка, мраморный подъезд и подземный гараж, и можно пешком дойти до парка с аттракционами, да и до квартиры деда недалеко. Лима, занимаясь домашними делами, могла из кухонного окна видеть шпиль речного вокзала и белые теплоходы у причала. По вечерам Мага лежал на диване, дроча телевизионным пультом, а по праздникам дарил добротные вещи (шубу, сапоги, полкило золота, многотомную детскую энциклопедию) и бытовую технику (микроволновку, утюг, пылесос). Не забывал делать подарки и своему московскому тестю (про то, что Лима всего лишь вице-жена, папе благодарумно не сказали).

Он не пил и не курил, не шлялся по бабам.

– Роди мне такого же классного пацана! У меня в Баку одни девки.

Он был мудр в вопросах воспитания, что неудивительно для отца троих детей. Подсказывал ей, как развлечь ребенка, чтобы он не превратил жизнь в ад, например, в долгой дороге:

– Если ты всерьез надеешься, что он сможет два часа сидеть смирно, ничего не делая, то это ты глупая, а не он. Ты обязана позаботиться о книжках с картинками или хотя бы игрушках, которые не жалко ломать, пока мы едем.

Он никогда ничего не запрещал ребенку:

– Пусть всё смотрит, трогает, пробует – ему надо, он мир познаёт. Твоя задача – следить, чтобы он не убился.

Он водил Янека на художественные выставки, поучая при этом:

– Вот когда научишься так рисовать, тогда и будешь в носу ковыряться.

Смотрел с ним кино:

– Хороший ужастик должен помогать работе кишечника.

Однако патриархальность лезла у него изо всех пор. Если бы у него спросили, зачем ты, гад, подавляешь свою любимую женщину, он бы не понял, что имеется в виду. Например, в компании он за Лиму отвечал, не давая ей раскрыть рот:

– Она у меня чудачка, – эдак снисходительно, извиняющимся тоном. Даже цитировал лорда Байрона: «Женщина должна быть достаточно умна, чтобы понимать мои мысли, но не настолько, чтобы производить собственные».

Одна героиня в какой-то скучной, насквозь советской повести сказала: «если кто-то надо мной волю будет выказывать, я и убить могу». Повесть позабылась напрочь, а вот эти слова, словно молния, осветили самые глубины Лиминой души. Он всё говорил и делал правильно,

но от всего этого за версту несло домостроем, и Лима постоянно чувствовала себя униженной. Да и отпуска он всегда проводил со старшей женой, это угнетало.

Однажды вечером они все вместе с большим удовольствием посмотрели комедию «Данди по прозвищу Крокодил». Главный герой угостил свою подружку какой-то экзотикой, а когда она, давась, это доела, объяснил:

– Есть, конечно, можно, но на вкус – дерьмо.

После эта фраза прочно вошла в семейный обиход. Янек так оценивал детсадовскую, а затем и школьную еду, Лима – некоторые фильмы и книги, а Мага даже нескольких своих знакомых. «Можно, но на вкус – дерьмо». Настал день, когда для нее стало очевидно, что и вся эта ситуация – этот полубрак – подпадает под принцип Данди. Лучше что угодно, чем вечная полулюбовь, как завывал один немолодой бард.

Янек перешел во второй класс, когда Лиме позвонил Арам Айрапетович – ее бывший начальник. С прискорбием он сообщил, что несколько старых мастеров как-то синхронно покинули этот мир, а еще несколько готовятся покинуть в ближайшее время. Он помнил Лиму как надежного профессионала и предпочел бы работать с ней, а не с кем-то малознакомым. О своих прежних притязаниях он больше не заикался.

Продолжать сидеть дома, когда ребенок уже стал самостоятельным и даже отчасти дерзким («Не провожайте меня в школу, не позорьтесь и меня не позорьте!»), казалось Лиме совершенно излишним. Она истосковалась по работе, по тому непрерывному потоку общения, которое ей гарантировало само ее появление в салоне – клиенты ее любили и баловали. Ведение домашнего хозяйства даже при самых благоприятных условиях никогда не даст женщине столько положительных эмоций, сколько дадут восхищенные взгляды совершенно посторонних мужчин. И Лима, даже не сознавая этого, изголодалась по таким взглядам.

– Опять к этому армяшке? Соскучилась? – вопил Мага, услышав о ее решении вернуться в салон. И, конечно, он не верил, что у нее с предприимчивым старикашкой, покрытым пигментными пятнами, никогда ничего не было и быть не могло. Работающая жена, да еще на *такой* работе! Это противоречило его моральному кодексу, они разругались вдрызг, что и требовалось, чтобы окончательно расстаться. Лима снова вернулась в отцовскую хрущобу.

Однако и спустя много лет после расставания отвергнутый домостроевец продолжал переводить деньги Лиме «на хозяйство». Более того, Янек скрывал от матери, что Мага навещает его в Воронеже в дни рожденья – всегда с подарками и уверениями в самых родственных чувствах. Бакинская жена так и не родила ему сына.

Верёвку Лима купила, когда ребенок родился – целый десятиметровый моток – пеленки сушить. Конечно, для хозяйства столько не нужно, и, пряча остаток в ящик, она еще тогда подумала, что пригодится повеситься, когда станет совсем неспособна. Однако теперь, сказав смерти «не сегодня», вопреки всем планам и суевериям Лима вот уже второй день отмечала свое сорокалетие – с соседкой, ее выпивкой и своей закуской. Рассказала ей о знакомстве в парке. Та порадовалась:

– Слава богу, не гомик!

– Дожили! Уже радуемся не достоинствам мужчины, а тому факту, что он просто мужчина! – умолчав о собственных печалях по этому поводу, вздохнула Лима.

– А ты напрасно иронизируешь! Лет эдак двадцать назад ко мне прикадрились два совершенно очаровательных паренька. Один – ну просто Есенин, второй – Бандерас в юности. У меня аж глаза разбежались – слишком трудный выбор. В ресторан пригласили. Я всё думала-гадала: зачем втроем в ресторан? Я ведь, наверное, одному из них глянулась? Наверное, второй просто пожрать хочет, а потом уйдет? Но не ушел. Домой тоже втроем поехали. Я уж

начала всякие ужасы думать, статьи из газеты «СПИД-инфо» вспоминать. Про всякие извраты. Но не тут-то было. Музыкачку послушали, меня поцеловали напоследок и в спальню пошли. Они. Я домой пошла.

Лима сидела в ступоре:

– А ты вот так до последнего момента ждала, что будет? А если бы, правда, извращенцы?

– Ну, конечно, биты у меня тогда не было, но я умела каблуками по яйцам бить.

– Научишь?

– А ты кого покалечить хочешь? Этого несчастного из парка?

– Ты права. Вряд ли в обозримом будущем ко мне кто-то начнет на улице приставать.

Наливай.

– Вот тут ты опять делаешь поспешные выводы. Еще не вечер. Мне недавно подфартило. Теперь в отпуск собираюсь с новым кавалером. Смотри, какого зверя поймала, – и Марина гордо продемонстрировала на своем телефоне фотку, где были видны лишь не вполне трезвые глаза – все остальное было покрыто густой рыжей шерстью с проседью, патлы падали на плечи, а из-под бородищи выглядывал массивный крест.

– Поп?

– Зачем сразу поп? Обычный айтишник...

Будучи на пять лет старше Лимы, Марина была и спортивнее, и стройнее, однако последние десять лет пребывала в тотальном одиночестве, так как ее смахивающее на выхухоль лицо было известно всем и каждому по газетным репортажам времен громкого судебного процесса. Мужчины ее узнавали и побаивались. Как она сама об этом говорила: «коняшки бздиловатые». И лишь теперь, когда она радикально сменила имидж, нашелся какой-то, по ее выражению, любитель старушатишки.

– Я вот уже и котика завела, думала, что ничего нового в моей жизни не будет, а вот поди ж ты! Если не будешь кукситься, и тебе повезет. Зарегистрируйся в «Одноклассниках».

– Я не играю в эти игры.

– Это не игры.

– Игры. Именно игры. У детей дошкольного возраста есть такая фишка: *как будто*. Как будто я успешен. Счастлив. Умен. Как будто у меня не жизнь, а сплошной праздник. Фотошопленные снимки, чужие мысли в рамочках, причесанная реальность. Если ты помнишь, доктор Живаго на досуге пишет книгу «Игры в людей». Он считает, что половина человечества перестала быть людьми и непонятно что из себя разыгрывает. Это как раз про общение в интернете. Социальные сети словно по указу Петра Великого созданы, дабы глупость каждого видна была. Обрати внимание: сейчас даже про книгу или фильм говорят: «об отношениях», не «про любовь», потому что о любви там по большей части речи нет – отношения строятся на совсем иных основаниях.

– Согласна! В интернете девушки себя обозначают как «в поиске» и «в отношениях». Завели себе сытого кота, который всем пользуется и ни за что не несет ответственности, и называют это отношениями. А если вдруг после этого замуж выходят, то тут тебе и белое платье, и венчание, и крещение детей – всё по канону. Как говорится, «не найти следа птицы в небе, змеи на камне и мужчины в женщине».

– Да и потом, главный вопрос! Ты себе разве в этой клоаке кавалера нашла?

– Вообще-то нет, – застенчиво прошелестела Марина. – В караоке-баре. «Рюмка водки на столе!»

– И что, реальный мужик? Мне попадались либо блядуны, либо диктаторы, либо похотливые старикашки. Золотую середину найти невозможно.

– То, что легко найти, не стоит поисков. Ты, по крайней мере, замужем побывала, другим еще меньше повезло.

– Повезло?! – возмутилась Лима. – Ни хрена себе, повезло! Искать любви в муже – черпать воду в луже, как говорила моя бабушка. Вот, представь. Ты весь год ждешь сезона черешни, а когда он наступает, у тебя мало денег. И ты покупаешь самую дешевую. А там одни гнилушки и червяки. Радоваться, что попробовала такой черешни, или плакать? Может быть, все-таки лучше было ее вообще не пробовать и сохранить в душе образ прекрасной спелой черешни без изъяна, чем отравить себе впечатление о ней и остаться с чувством непреходящего отвращения? – Лима увлеклась собственной теорией и рассказала подруге суть принципа Данди, под который, к сожалению, подпадали все отношения, в которых ей довелось состоять, а также друзья, работа, условия жизни и многое другое.

– А ты глубоко копаешь, – резюмировала Марина. С подругами она обычно говорила так, как добропорядочные домохозяйки разговаривают со своей кухонной утварью, то есть, не надеясь на разумный ответ, и в Лиме поначалу подозревала зашоренную бабу, для которой сын – свет в окошке, а больше она ничего не видит и знать не хочет. Но оказалось, им было о чем поговорить.

В парикмахерской, где трудилась Лима, были в основном дамы не первой молодости. Появление в отпускной период таких, как Лима, порождало приступы злобы, но тетки знали, что к осени всё станет по-старому, и потому как-то мирились. Когда же она утвердилась за своим креслом на постоянной основе, злоба стала сгущаться.

За семь лет, что она отсутствовала, в салоне появились новые аппараты для дезинфекции инструмента, кондиционеры и прочие навороты. Старожилы рассчитывали, что она станет спрашивать, как что работает, а они бы тогда снизошли и всему ее научили, потешив и свое самолюбие, и воткнув пару шпилек насчет неумех и молодых да ранних. Но она ни разу ни о чем не спросила, сама справилась. Да и вообще вела себя возмутительно независимо и, само собой, ничьих советов не искала.

Старух, правда, осталось не так много – у некоторых кресел уже работали ровесницы Лимы. Но оставшись в меньшинстве, они словно сконцентрировали свою ненависть. Конечно, их можно понять. Они жаждали авторитета. У людей, сорок лет проработавших в сфере обслуживания, не так уж много возможностей утвердить свое Я. Дурочка, у которой до тридцати лет не было даже трудовой книжки – это просто находка для людей, ищущих повода самоутвердиться.

Единственным человеком, с которым Лима как-то общалась, была ее соседка по креслу Лариса – молодая девушка с детским личиком и пятым номером бюста – мечта любого гопника. Была она замужем, дочке четыре годика, но уже успела от мужа уйти и снова к нему вернуться. Лариса говорила, что больше любит того, другого, а муж это чувствует и потому ее бьет, но она от него больше не уйдет, «потому что у него больше». Конечно, воспринимать эту особу всерьез Лима не могла, но что же делать – других рядом не было. Да у нее и самой в голове еще было полно чепухи. Например, Лима по-прежнему считала, что ее избранник должен быть на полголовы выше ее, и говорила: «Не хочу, чтобы он мне в подмышку дышал». А когда в тебе метр восемьдесят, это непростая задача. В общем, дружили они с легкомысленной Ларисой, а старших коллег, слегка кукухнутых на почве слепой веры в собственную неотразимость, – Ирину и Оксану – за глаза звали Карга и Яга.

Краем уха Лима услышала подробности о Шуре – той, чье место заняла. Бывший комсорг Александра Михайловна продолжала работать спустя четыре года после достижения пенсионного возраста, а свою страсть к напиткам, расширяющим пределы человеческих возможностей, удовлетворяла два через два. И если вдруг она не выходила в назначенный день на работу и не отзывалась на звонки, то просила ее не беспокоить.

– Если я не отвечаю, значит мне сейчас не до вас, у меня понос или блевос. Приду в себя – сама перезвоню, – говорила она. Поэтому когда она умерла, никто целую неделю не беспокоился. Соседи позвонили ее родственникам только тогда, когда из квартиры специфически запахло. Коллеги, а по сути – самые близкие ее подруги и собутыльницы – чувствовали груз вины, все-таки бросили в одиночестве; не важно, что она там говорила – надо было побеспокоиться. Жалость-то какая!

Однако жизнь-то продолжается. Заслуженные ветераны труда, они рассчитывали поделить ее ставку, чтобы работать три через один, но Айрапетыч их обломал, сказав, что за это трудовая комиссия штрафует.

– Да и вообще, всех денег не заработаете! Дайте дорогу молодым! – и, давая понять, что разговор окончен, делал погромче свою любимую радиоволну.

*А я ушаночку поглубже натяну
И в свое прошлое с тоскою загляну,
Слезу смахну.
Тайком тихонечко вздохну.*

Дамы, конечно, были разочарованы таким равнодушием шефа – ведь когда-то в молодые годы он относился к ним с известной долей нежности. И тут вдруг приходит такая молодая и нахальная, золотом увешанная! (Лима носила всё, что дарил ей Мага. Она любила крупные серьги и дребезжащие браслеты. Если бы не ее подчеркнуто славянская внешность, можно было бы подумать, что ее вскормила цыганская лошадь.) Про сверхурочную работу говорит с пренебрежением:

– Лишняя тряпка не сделает меня счастливой, а лишний выходной – да.

Живет в том же доме, в тапочках на работу ходит. Гаджеты модные самая первая приобретает и, что самое удивительное, сама в них разбирается. В общем, поводы для неприязни сыпались, как из рога изобилия.

Шурино кресло стояло у окна, Лиму было видно с улицы. Клиенты, отсидев очередь в зале ожидания и попав вдруг к одной из пенсионерок, пренебрегая всякой деликатностью, нередко говорили:

– Спасибо, я лучше вон ту девушку подожду, – что не способствовало миру и покою в коллективе.

Лима ничего не рассказывала о себе, даже после совместного распития спиртных напитков, обязательного на праздники, никогда не интересовалась детьми, внуками и прочими родственниками своих коллег, их проблемами и самочувствием. У нее были на то свои причины, но в глазах обделенных вниманием климактерических дам эти причины не были уважительными. Ее посчитали самовлюбленной и заносчивой стервой. Более того, ей ставили в вину Шурину смерть, потому что она заняла ее место, а стало быть, желала ей смерти. Для их совести это было удобно – найти другого виноватого, а потому это стало считаться бесспорным фактом.

Они стали подсовывать ей самых скандальных клиентов, самых сопливых детишек и даже дохлых тараканов – в пакет с бутербродами. И, конечно, злословили. Это главное оружие женской ненависти. Карга говорила Яге так, чтобы всем было слышно:

– Помнишь, Ксюха, в молодости, когда мы втроем после работы выходили – ты, я и Шурка, мужики падали и сами собой в штабеля складывались. А сейчас и девок-то красивых нет. Какую ни возьми, либо ноги кривые, либо сисек нет, либо веснушки. По-моему, веснушки – это сущее проклятие для девушки. Какая бы ни была красавица, а с веснушками – всё, второй сорт.

(Вообще-то, в историю про «штабеля» верилось с трудом. Голова Ирины была маленькая, как у динозавра, а расширяющееся книзу тело заканчивалось большим – сороковым! – размером ноги, а у Оксаны был такой нос, что Сирано нервно курит в сторонке.)

– Да, – соглашалась Яга, которая никогда в жизни никого не похвалила, даже кинозвезд. Психологи утверждают, что так обычно проявляется желание свести на нет свою ущербность. Ведь если в мире нет ничего достойного восхищения, то и я со своим ртом-подковой вроде как совсем недурна.

– Вы разве детдомовские, джан?! Нет? А почему такие мазафаки злобные? Любой буль-терьер добрее, чем вы, – возмутился босс, случайно это услышав. – Я вам как мужчина говорю: белая баба, коричневая или в крапинку – красоте это не в ущерб. Красота вообще не в этом.

И ведьмы утверждались в своих подозрениях, что все-таки эта – в крапинку – новенькая в гареме, иначе зачем ему ее защищать?

– А мы-то думали, что он уже ушел из большого спорта! – шепотком хихикали старухи.

Лариса, которая пришла в салон годом раньше и тоже прошла испытание злыми языками, иногда плакала.

– У меня такое впечатление, что я тут должна двум свекровушкам угождать. Мне дома и одной хватает!

Лима, возможно, из-за отсутствия свекровушки, относилась к этому по-философски:

– Обезьяны бросаются какашками в того, кто им не нравится. Наши матриархи на них очень похожи. Впрочем, их можно только пожалеть – счастливые люди не едят себе подобных.

Однажды в кабинет Айрапетыча проследовал представительный мужчина в костюм-тройке жучиного цвета, после чего Лиму вызвали к директору и пропесочили за то, что она, якобы, разные виски клиенту подстригла: справа – прямой, а слева – косой. Босс бушевал, Лима молчала. Как и всегда в особо острых ситуациях, она совершенно не находила слов – воздуха не хватало даже для того, чтобы просто дышать. У Лимы с детства была такая особенность, она даже в кино не могла спокойно смотреть на несправедливо обвиняемых людей – сердце грозило выскочить из грудной клетки. «Если я ходил в суете, и если нога моя спешила на лукавство, – пусть взвешают меня на весах правды, и Бог узнает мою непорочность», – зывала ее душа вместе с Иовом.

Все разумные и убедительные ответы приходили к ней гораздо позже, когда возмущение переставало кипеть и разум слегка остывал. А возмущаться было чему, потому что у Лимы была фотографическая память, и того чувака в костюме она никогда не стригла. Через несколько дней в спокойной обстановке будничного обеденного перерыва она без нажима сказала Айрапетычу:

– Обидно, когда такой уважаемый человек, как вы, становится декоративной фигурой, а рулят всем две доминантные сучки. Если молодых мастеров так третировать, они отсюда разбегутся.

Старый казанова к тому моменту уже и сам догадался, что стал пешкой в интригах местных мелководных баракуд, и весьма жестко поговорил с гримзами. Но беда в том (и об этом еще Макиавелли писал), что поверженного врага нельзя оставлять возле себя. Враг будет мстить, пока в нем теплится дыхание. Стычки продолжались – горгульи ведь считали себя хорошими людьми, незаслуженно обруганными, – Лима, как могла, противостояла. Однако с годами устойчивость к чужой злобе стала как-то ослабевать. Если в тридцать лет Лима могла на агрессивный выпад ответить:

– Раз уж ты меня облаяла своим курвячим ртом, то почему не искусала? – то к сорока она уже просто устало стискивала зубы и материлась в уме, варьируя подлежащее и сказуемое самым изощренным образом. Доказывать тупой злобной бабе, что она тупая и злобная – это совсем себя не уважать. В шахматах есть позиция, при которой любой ход только ухуд-

шит положение – цугцванг. И Лиме казалось, что в этих бабских сварих ее положение именно таково: что бы она ни сказала, что бы ни сделала, может стать только хуже.

– Мои надежды были моей броней, – говорила она соседке под вино. – Меня не волновали ни неудачи, ни злопыхательство – я знала, что рано или поздно все наладится. Вот потерплю это дерьмо, а завтра-послезавтра наступит полнейшая благодать. Сейчас, когда я точно знаю, что перемены возможны только к худшему, надежды рухнули бесповоротно, а на горизонте маячит только крематорий, я совершенно лишена защиты. Моя броня рассыпалась, я слаба. А слабых клюют. Это по отдельности люди умные, интересные, душевные. А вместе они – стая тупых голубей, что клюют своего слабого собрата. Правда, у голубей мозги с орех. Хотя, зачем я себя обманываю? У этих не больше! – и, отмахиваясь от расхожих возражений, продолжала: – Ах, эта знаменитая фраза, что в сорок лет жизнь только начинается! Это насколько же надо быть безмозглым, чтобы сопливаю мелодраму цитировать так, будто это слова величайшего философа всех времен!

– Как-то ты слишком близко к сердцу принимаешь. Губермана читала? У него о человеческой природе очень мудро сказано: «Бог создал человека так, что в людях есть говно». Эти твои хрычовки – им сколько уже?

– Много! У них шутка есть – деревья умирают стоя... Но те новые, что пришли уже после меня, которые еще не старые, почему-то такие же, с зубами в три ряда...

– Ну, что ж, это жизнь! Говно должно быть с кулаками. Ему иначе не выжить. Вот, я тебе расскажу. Мой бывший боялся лошадей. Мы однажды отдохали в подмосковном санатории с лошадами, и я, конечно, первым делом туда, кататься. А мерзавец мой говорит: «Про лошадь никогда нельзя сказать, что у нее на уме и что она сделает в следующий момент. Машина – это надежно, вот газ, вот тормоз. А лошадь – это черт знает что». И кататься не стал. Так вот, я к чему это всё говорю. Про людей – всё то же. Непредсказуемо, нелогично и, что самое главное, от твоего поведения никак не зависит. Ты можешь изучать психологию, копаться в мотивах, искать причину неприязни, но всё это будет напрасно. Причины нет. Не думай о том, что ты как-то не так себя поставила и поэтому на тебя взъелись. Добрые и порядочные люди больше всего люлей огребают именно от тех, к кому были добры.

– Я в курсе, – невесело отозвалась почти не пьянеющая Лима.

– Надо как-то легче ко всему этому относиться. Ты же слышала о позитивном мышлении?

– А ты слышала о психологическом типе, – резонно возразила Лима. – Нельзя прожить жизнь меланхоликом и пессимистом, причем такую жизнь, каждый поворот которой укрепляет тебя в твоей позиции, а потом вдруг заняться тренингами по позитивному мышлению и стать оптимистом. Это то же самое, что требовать от малорослого человека, чтобы он усилием воли подрос до баскетбольной нормы.

– Слушай, кстати о росте! Карьерный рост тебя совсем не интересует? Сдать квалификационный экзамен на мастера-модельера – это и от меланхолии спасает, и самооценку повышает, и злопыхателям настроение портит.

– Чтобы стать модельером, недостаточно уметь моделировать прически – нужна корочка. А для этого нужно заплатить за курсы повышения квалификации. Причем по собственному опыту знаю, что окончившие эти курсы не талантливее других – просто у них нашлись деньги. Я считаю всё это нечестной игрой, а с шулерами играть на сажусь – это неумно.

– А если вообще сменить работу?! – всё больше воодушевлялась Марина. Похоже, она была из тех, кого по пьянке не в сон клонит, а наоборот – на подвиги. Она, конечно, не догадывалась о припасенной бельевой веревке в хозяйственном шкафу новой знакомой, но почувствовала в ней какой-то надлом и решила во что бы то ни стало переориентировать ее на позитив. – У тебя же, наверное, среди клиентуры за эти годы завелись друзья, которые могут поспособствовать трудоустройству? Ты баба неглупая, могла бы и чем-то другим заниматься, кроме стрижки-бришки.

– Марина, ты ведь тоже в советской школе училась и «Повесть о настоящем человеке» читала? Алексей Мересьев съел живого ежа. Конечно, если бы я ползла раненая по зимнему лесу, то и я бы съела, но, надеюсь, до этого не дойдет. Так вот, просить о чем-то так называемых «друзей» для меня то же самое, что есть ежа.

– А снова замуж выйти? Я не имею в виду любовь-морковь, я про выгодный брак, чтобы не работать. Вот о чем сказка «Аленький цветочек»? Или «Красавица и Чудовище», если Дисней тебе ближе. О том, что стерпится – слюбится. Каким бы чудовищем муж ни был, если он щедр и заботлив, в доме будет совет да любовь. Он ведь ей позволял наряжаться, не считаясь с тратами, заводил любых зверушек и работать не заставлял – она была счастлива, а потому и разлучаться с ним не захотела. И даже рыдала над его страшным, псиной воняющим трупом. Не всякий муж, прямо скажем, такой чести удостоится.

– Ну, такой у меня уже был. Мы расстались по обоюдному согласию, потому что такая жизнь – болото.

– Но ведь лучше, чем ничего? Нельзя же просто так сдаться! Ты же знаешь притчу о лягушке, которая не смирилась с поражением и сбила масло, барахтаясь в молоке?!

– Эта притча не ко всякой ситуации применима. Если муха будет бесконечно биться башкой в стекло, никакое масло не собьется.

Маринка пожала плечами и продолжала настаивать:

– Ведь наверняка в уголке сознания ты рассматривала вариант возобновления отношений?

– Нет, Марина, это не вариант. Вот ты бы смогла вернуться к своему бывшему, которого битой лупила? Более того, смогла бы ты сама ему позвонить и предложить вернуться?

– Да ты охренела!!! Я после развода ежегодно его чучело на масленицу сжигаю!..

– Вот. У тебя свои обидки, а у меня свои. Я, конечно, сознаю свою вину, но дело в том, что противоположная сторона свою вину не сознает. То есть я рассматриваю ситуацию со всех сторон, потому что я культурный человек с совестью, а мои оппоненты никогда на мою точку зрения не становятся, для них только я во всем виновата. А потому ни о каком возвращении речи быть не может.

– Ладно, ну его к лешему, нового найди! В твоём «Шарме» неужто не нашлось подходящего мужичка?

– Был один, на которого я возлагала большие надежды, но оказался последний жлоб.

– Так уж и последний! – засмеялась подруга. – Будут еще в твоей жизни жлобы! Тебе всего лишь сорок, а как говорят: в сорок пять баба – ягодка опять.

– Ага. Волчья.

– Я тебе дам почитать книжку одного французского автора, авторки, как теперь говорят, «Козлы» называется. Там есть такая мысль: «Лучше всего было бы жить в большом доме с несколькими хорошими подругами. А жеребцов для развлечения и продолжения рода держать в хлеву», – они снова наполнили рюмки, и Лима поведала историю последнего жлоба.

Ей было тридцать с небольшим, когда на память пришли слова Наташи Ростовской: «Обидно так, ни для кого, пропадать». Ухажеры вокруг вились постоянно, надо было только выбрать. И поскольку приятельницы убеждали ее, что все беды оттого, что она дважды связывалась с нацменами, Лима обратила свою благосклонность на коренного москвича, русского до скуки. Собственно, никакой неприязни к инородцам, несмотря на двукратный негативный опыт, у нее так и не выработалось. Беден тот сад, где цветы только одного сорта, считала она. Но все-таки...

Красивый и умный парень с джентльменскими манерами, который ей давно нравился, оказался геем. Но поскольку на осознание этого простого факта у нее ушло полтора года, дальше пришлось делать выбор в темпе, так как для женщины за тридцать такая потеря времени непозволительна. К тому же рядом крутился Лёнчик – всеобщий любимчик, пышущий здоровьем, эдакий румяный фитоняшка, несмотря на сорок лет и заметную плешь, шутник и балагур, а он-то как-раз был русский и московский, это и предопределило их судьбу. Ну и рост, конечно, согласно канону. Он был постоянным Лиминим клиентом – из тех, что всегда приходят с шоколадкой и свежим анекдотом.

Очевидной слабостью Леонида было тщеславие. Бренддовые вещи, «умные» слова, ключи от машины, вечно вертящиеся на пальце. Как пел один советский мультяшный герой, «какой хороший я и песенка моя!» Не хвастаться он не мог, но Лима считала это чуть ли не самым невинным грехом – уж во всяком случае детским, а его нежный румянец и длинные темные ресницы сулили хорошие шансы если не на любовь, то хотя бы на влюбленность, и когда он заговорил о черном поясе по каратэ, она, сделав глазки, сказала:

– А у меня тоже есть черный пояс. Гипуровый.

Намек был истолкован правильно.

Лёнчик не был разведенцем, как думала Лима, он был застарелым холостяком. Он каждую субботу с мамой в «Ашан» ездил и надеялся тихо переползти из-под ее крылышка под крылышко жены и жить, как прежде: чтобы кушать подавали вовремя, одёжки стирали-гладили, а больше ничем не докучали. Поменяв свой статус клиента на статус ближайшего друга, он в первую очередь проверил у Лимы паспорт – не лимитчица ли? – и вдруг обратил внимание на другую страницу – о семейном положении. Между штампом о браке с прекрасным шляхтичем и штампом о разводе был интервал всего в шесть месяцев.

– Это так неприлично! Не могла бы ты поменять паспорт? Ну, или потерять? Тогда тебе его восстановят безо всяких штампов. А то перед мамой неудобно.

Лиму слегка покорило:

– А мама знает, что у меня есть сын, что ему одиннадцать лет?

Он замялся:

– Я ей потом как-нибудь скажу.

У Лимы был паспорт нового образца, горизонтально ориентированный, с удачной фотографией, и ей совсем не улыбалось заводить кутерьму с его заменой. Но она промолчала.

Мама оказалась культурной дамой с фиолетовой, как девятый вал, сединой – учительница литературы – и паспорт проверять не стала. Много говорила о педагогике, костерила своих молодых коллег, которые все сплошь были двоечниками и дипломы пединститута получили исключительно за взятки.

– Ребенок жалуется, что его обижают в классе. Учительница обращается к классу: «Вы его обижаете?» – «Нет!» – «Вот видишь, никто тебя не обижает. Зачем ты выдумываешь?» Я всегда негодовала, когда юмористы про учителей шутили, думала, что преувеличивают. Неужели учителя со стороны такие тупые? И отгоняла от себя эту мысль, мол, это поклёп. А теперь точно знаю: наше поколение уйдет, останутся только тупые!

Возможно, на работе у нее были нелады с *молодыми да ранними*. Лима уже знала, что все обобщения имеют под собой очень конкретную почву, ведь в ее коллективе тоже бурлил и пенился конфликт поколений. «Она ведь тоже для кого-то Карга». Зато фиолетовая дама много и подробно рассказывала о Лёниных талантах. Он де и художник, и музыкант, и спортсмен. Правда, намекая на бедность его лексикона, добавляла:

– Как печально, что большинство художников косноязычны. Даже если им есть что сказать, они не могут. Как собаки.

Он давно – с момента выпуска – не писал с натуры, а в последнее время вообще работал дизайнером в частной типографии – рисовал молочные и конфетные этикетки, но держал себя

с «профанами» так, словно собственноручно расписал Сикстинскую капеллу. Однако на мать его пафос, видимо, не производил впечатления.

– Ван Гоген, – насмехалась она и, не стесняясь будущей снохи, выговаривала ему за его страсть к собирательству.

– Коллекционирование – хобби, не возвышающее душу. Наоборот – низкий жанр. От коллекционера до Плюшкина один шаг. Хоть бы уж определился, что именно ты коллекционируешь. А то ведь и машинки, и самолетки, и поделки из художественной школы. Это же сплошь сорняки! И с каждой твоей единицы хранения надо пыль стирать! Разносторонность интересов – это слишком громко сказано. Нельзя собирать всякий хлам и думать, что ты Леонардо. Перед людьми стыдно.

– Мне не важно, что по этому поводу думают другие. Я коллекционирую красивые вещи, а если кто-то не видит в них красоты – это его проблемы, – раздражался Лёнчик, гордо глядя на лошадок из желудей, которых он мастерил в детстве, Кижы из спичек, сотворенные в юности, странных существ в духе дымковской игрушки, которых лепил на первом курсе, и Лима почувствовала себя лишней на этих семейных разборках.

– Только клинический дурак имеет счастливую возможность не зависеть от людских мнений. Все остальные – какими бы мудрецами и аскетами они ни были – вынуждены считаться с окружающими, – обиженно поджимая губы, заключила мать. Зачем она говорила всё это при Лиме, было непонятно. Неужели она не понимает, что воспитывая взрослых, со сложившимся характером детей, родитель как бы говорит: «Я хотел бы другого сына, умного, талантливого, социально активного и успешного, а не вот это говнецо, что получилось». Или, может быть, она предупреждала? Лима и без всяких предупреждений видела, что Лёня инфантилен и грызет ногти, что киндер-сюрпризы появились в нашей стране, когда он был уже взрослый, а следовательно, их присутствие в «коллекции» компрометирует коллекционера. Зачем заострять на этом внимание? Возможно, где-нибудь в глубине души мать не хотела, чтобы ее сорокалетний сын женился и зажил своим домом – даже с учетом того, что он освободит ее от своих «сорняков». Однако для Лимы всё это означало, что парень неиспорченный: не будет шляться, как Ян, и подавлять, как Мага.

От деда Лёнчику досталась малогабаритная темная двушка на Соколе. До недавнего времени ее сдавали. Серьезно настроенный жених привел туда Лиму сразу после отъезда постельцев – показать, где они – молодая семья – будут жить.

– Ну, это еще не квартира, конечно, это только стены, да и то кривые, – авторитетно заявил Лёнчик. Лима не понимала, что плохого в этой квартире. Оказалось, он имел в виду, что вместо линолеума должен быть паркет, вместо украинских обоев итальянские, а вместо отечественной сантехники – финский фаянс. Непонятно было только, на что Лёнчик собирался шиковать – зарабатывать деньги он начал всего лишь пять лет назад (до этого он долго учился и переучивался), да и то весьма немного, а потому сбережений не имел. Неужто рассчитывал на ее кошелек? В общем, всё это вместе с пожеланием потерять паспорт Лиму насторожило, и она решила повременить с регистрацией брака, чтобы иметь возможность присмотреться к избраннику.

И начались долгие мытарства с ремонтом. Вскоре стало очевидно, что Лёнчик не в состоянии соотносить свои желания с реальными возможностями, что откусить старается больше, чем в состоянии прожевать, и через полгода таких страданий Лима взяла бразды правления в свои руки. Конечно, не явно, а так, чтобы мужчина продолжал чувствовать себя главным. С горем пополам через полтора года квартира была отделана. В отпуск в этот период они не ездили – ремонт вытягивал из них все соки. Два лета и одну зиму Янек провел исключительно с дедом. Леонид, к большому сожалению невесты, не понимал той простой истины, что за лучшие вещи приходится отдавать лучшие годы. Всё это время они встречались либо у него – в отсутствие мамы-учительницы, либо у нее – когда близкие были на даче. Иногда

предавались брачным играм в ремонтируемой квартире, прямо на мешках с цементом. И тогда Лима уговаривала себя, что это не по принципу Данди – это романтика.

– Я встану на ноги, и тогда ты не будешь работать, – шептал он ей на ушко, видимо, считая эти слова весьма сексуальными. – Не сейчас, конечно. Сейчас мне нужно немного раскрутиться. Но как только деньги пойдут – даю тебе слово.

Как может раскрутиться рядовой дизайнер в мелкой типографии, оставалось загадкой.

После завершения ремонта началась точно такая же свистопляска с обстановкой – Лёнчику непременно нужно было всё самое лучшее, ни отечественную, ни белорусскую мебель он не признавал. Как сформулировал классик, пердит выше жопы, что означает жить не по средствам.

По ее настоянию в квартиру всё-таки въехали, поставив себе старую тахту, а Янеку в маленькую комнату – раскладушку и дедов ободранный стол, который приспособили под компьютер. Обзаводиться высокохудожественными предметами интерьера, к которым тяготела творческая душа Леонида, было решено постепенно, не надрываясь. Причем для утверждения этого решения ей пришлось стукнуть кулаком по столу, отбросив всякую дипломатию.

Плюнув на его самолюбие, Лима сама себе решила купить стиральную машину – за наличные, на радиорынке, потому что начинать семейную жизнь без этого предмета считала невозможным. Кавалер взялся сам ее привезти, что даст возможность сэкономить на доставке. Уже на месте обнаружилось, что не хватает ста рублей. Выразительно посмотрела на Лёнчика – знала, что у него были с собой деньги, но он замаялся:

– Зая, это деньги фирмы. Мне поручили здесь кое-что для компов прикупить. Я потому с тобой и поехал, – признался жмот.

– Я тебе завтра из выручки отдам.

– Нет, лапуль, я не могу так рисковать.

– Чем рисковать?! – начала закипать Лима. – Ты сомневаешься во мне? У тебя есть причины сомневаться во мне? Я кутила, транжира, алкоголичка, наркоманка, тунеядка и уже кидала тебя на деньги?!

Все доводы оказались напрасными – не дал. Пришлось ехать домой, доставать из заначки доллары, идти в обменник и возвращаться в магазин. Пару недель Лима приходила в себя после такого унижения, а тут как раз привезли шкаф-купе, заказанный Лёнчиком под размер: зеркала во всю стену и сборка на месте. Монтажники корячились несколько часов, назвали цену. У Лёни не оказалось пятидесяти рублей, и он округлил сумму *в свою пользу*. Мужики поматюгались немного, плюнули и ушли. Лима слышала всю эту сцену из кухни. Гордый хозяин позвал ее полюбоваться работой.

– Посмотри, какая красота! Словно квартира больше стала!

Работу она, конечно, оценила, но невзначай заметила:

– Получается, они тебе полтинник на чай дали. Ловок!

Наконец-то стало возможно приглашать гостей на новоселье. Лиме хотелось познакомиться с теми, кого Лёнчик считал друзьями, чтобы заранее представлять себе, каков будет круг общения – до сих пор у нее не было возможности даже краем глаза заглянуть в этот мир. Недаром она всю свою сознательную жизнь занималась самообразованием. Она чувствовала себя героиней «Человеческой комедии», которая всеми правдами и неправдами стремится проникнуть в гостиные, где собирается «общество» – так ей хотелось поговорить с умными людьми. Отчасти потому и закрывала глаза на столь явные несовершенства избранника – ведь именно он возведет ее на более высокую ступень социальной лестницы. Друзья жениха – по работе или по институту – олицетворяли это самое общество, где уровень беседы несколько иной, чем в парикмахерской. Может быть, кто-то из них объяснит ей, наконец, про отражения в воде.

Сдвинув два стола – кухонный и Ванькин – покрыли их большой белой скатертью, а недостающие табуретки одолжили у соседей. По стенам развесили старые Лёнины работы, в основном нюшки, оставшиеся со времен студенчества. Лима приготовила свое фирменное русское жаркое, а Леонид купил коньяку, вина и водки. Более того, в своей типографии он напечатал на хорошей плотной бумаге цветные приглашения. В предвкушении праздника Лима позволила себе небольшое излишество – новое платье, удачно оттенявшее ее лицо, и лабутены. Лёнчик, увидев это, обреченно вздохнул:

- Я вью и укрепляю наше гнездо, а ты его колупаешь.
- В смысле?
- Такие тупфли, наверное, половину кухонного гарнитура стоят.
- Неужели ты хочешь, чтобы я перед твоими друзьями предстала замухрышкой?
- Ну, так уж и замухрышкой! – не поверил Лёня.
- У меня не было обновок с тех самых пор, как мы с тобой ремонт затеяли.

Лёня махнул рукой, мол, замаяли, вот-вот гости подойдут. Замаять действительно было удобнее, так как никому, даже самому близкому другу он не признавался, что Лима за что-то платит на этой стройке века. Для всех, включая маму, он был труженик и герой, который потом и кровью оплачивает свое неукротимое стремление к совершенству. Заверещал домофон, и нарядная хозяйка поспешила открывать, решив, однако, как-нибудь на досуге развить эту тему.

На самом деле из однокурсников Лёни только один стал художником, да и тот рисовал портреты на Арбате на потребу публике. Однако марку держал, носил изящную бородку, замшевый пиджак и шелковый фуляр. С ним была подруга – балерина, которая принесла с собой бутылку минеральной воды и весь вечер только ее и пила. Говорила она только об интригах в театре, считала, что все к ней несправедливы, но была груба и вульгарна, ненормативную лексику использовала гораздо чаще, чем ожидаешь от такой изящной особы.

Двое других парней так же, как и Лёнчик, трудились в офисе, правда, не в типографии, а в издательстве, где, впрочем, у них так же не было ни малейшей возможности проявлять свою творческую суть. С ними были жены. Одна толстая и некрасивая, тоже с их курса, но выбравшая искусствоведение. Она много курила и говорила что-то мудрёное, чего не понимала не только Лима, но и другие участники торжества, несмотря на высшее образование. Другая, напротив, была молодая и красивая. Сказала за весь вечер только «здравствуйте» и «до свиданья», а всё остальное время сидела, уткнувшись в свой телефон. Мужики жаловались на тупого начальника, который влезает в процесс, учит их, как верстать, как компоновать и даже какие цвета сочетать. Но, несмотря на такое униженное и подавленное положение на работе, а возможно, именно поэтому, за столом они развели пространную дискуссию о всеобщей темноте и отсталости, о недооценке таланта в современном обществе и даже о его травле. Было грустно смотреть, как заурядные, в общем-то, люди стараются казаться умнее прочих.

- Сейчас процветают только те, кто встал под знамена диктатуры.

Лима не смогла сдержать улыбку, переглянулась с Леонидом, уверенная, что и у него встретит такую же ироничную улыбку, но нет: тот был предельно серьезен и с друзьями всецело согласен. Конечно, она и раньше знала, что зависть творческого человека чернее всех других видов зависти. Но чтобы так, в лоб! Пошли споры о современном искусстве, и на любое возражение Лима получала: «Да ты просто ничего не понимаешь!» За столом зазвучали имена гениев, подвергающихся репрессиям со стороны «кровавого режима», в том числе вороватого режиссера и похабного галериста. Напыщенный замшевый бородач, как оказалось, ценит такое искусство за откровенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.